После страшного взгляда, направленного на меня сверху вниз, учитель сменил выражение лица на улыбку.

– Но произношение гласных было удивительно совершенным. Мне нравится, как они издают звуки с таким же ярким тоном. Актёрское мастерство тоже хорошее. Ты раньше занимался оперной актёрской работой? У кого ты этому научился?

Я не знал, что сказать, и остановился. Я не мог сказать ему, что научил этому у самого учителя, верно? Хотя он в конечном итоге похвалил себя, учитель оглядел моё тело и пришёл к выводу.

– Нет, ты никак не мог научиться этому раньше. У тебя не было бы такого тела, если бы ты это сделал… тогда ты научился этому сам? Это достойно комплиментов, что у тебя нет никаких плохих привычек тогда.

– … Спасибо.

– Но ты же видишь…

Выпрямив спину и погладив подбородок, учитель нахмурился, видимо найдя что-то неправильное само по себе.

– А почему ты выбрал именно эту песню? Когда я посмотрел на твою заявку на практику, это должна была быть песня для академического концерта. Я уже говорил это раньше, но у тебя недостаточно квалификации, чтобы исполнять это произведение.

– Я рассудил, что смогу подготовиться к нему вовремя.

– Хмм…

Учитель посмотрел на меня сверху вниз со странным блеском в глазах.

Может быть, это прозвучало слишком самонадеянно?

Но это должна была быть песня такого уровня, чтобы получить хотя бы несколько хороших оценок, так что у меня не было реального выбора. Учитель встал со своего места за роялем и вместе со скрипом стула открыл рот.

– Чтобы ты спел эту песню, ты должен выполнить три условия. Первое – дыхание, второе – высокие ноты, и третье – понимание песни.

Пройдя по комнате, он положил руку мне на плечо, так как на моё плечо легла тяжёлая ноша.

– Ты говоришь, что можешь сделать эти три за три… нет, около двух недель на данный момент, да. Ты уверен, что сможете закончить подготовку за две недели? Я бы сказал, что две недели вряд ли достаточно, чтобы улучшить твои основы?

Всего две недели.

И действительно, он был прав.

Совершенствование песни было настолько трудной вещью, что сделать это за такой короткий промежуток времени было практически невозможно. Соответствие дыхания и вокального диапазона были основами основ – вы должны были быть в состоянии включить эмоции в каждый отдельный стих и чувства в каждое слово.

Кроме того, слова должны были быть разделены на согласные и гласные, причем рот должным образом менял форму в соответствии с согласными, в то время как гласные должны были иметь добавленный к ним тон.

В конце концов, издавать звук было совсем не то же самое, что петь песню.

Интерпретация и понимание песни. Петь грустные песни в грустном тоне, и радостно петь радостные песни – мельчайшие детали, которые составляли эти вещи, были настолько трудны для освоения.

Однако…

У меня уже были такие вещи.

– … Двух недель вполне достаточно.

Когда я ответил, глядя ему прямо в глаза:,

Учитель улыбнулся в ответ.

Учитель Квак Чон Су, который смотрел на меня сверху вниз, казалось, нашёл это интересным и перевёл взгляд к потолку.

– Полный уверенности. Правильно. Если ты оперный певец, тенор, то у тебя должен быть хотя бы такой уровень бодрости. Ты говоришь так, как будто закончили с анализом песни? Такое чувство, что ты думаешь, что практиковать основы достаточно. Из того, что я слышал,

действительно, казалось, был сделан некоторый уровень анализа…

Он был резок, как всегда.

Глядя, как я отвожу назад подбородок, он скрестил руки на груди.

– Хорошо, старайся изо всех сил. Давай посмотрим, действительно ли ты сможешь спеть эту песню или нет.

– Да!

– Конечно, если на следующей неделе я увижу, что твоих приготовлений недостаточно, то мы сразу же перейдём на другую песню. Просто надо будет спеть что-то вроде Sento Nel Core (1).

– Да.

Увидев, что я твёрдо отвечаю, учитель поднял брови и погрузился в глубокую задумчивость. А что там ещё… я думаю, что уже ответил на все вопросы.

Повернув голову, он спросил:

– Ты…

– Да?

– А почему ты решил не участвовать ни в каких конкурсах? Похоже, что это было не потому, что ты просто боялся сделать это, есть ли особая причина для такого решения?

На этот неожиданный вопрос я ответил недоумённым морганием.

По какой-то особой причине?

В этом решении не было ничего подобного.

В любом случае было бы невозможно пройти через предварительные процедуры с этим "инструментом", поэтому я решил не участвовать. В создание сценического опыта также не было для меня ничего важного.

"Я уже достаточно занят, сосредоточившись на школьных занятиях, так что есть ли необходимость тратить и деньги, и время без всякой причины…"

Но если бы я сказал ему это, он хлопнул бы меня по спине, говоря:

"Перестань выпендриваться и немедленно прими участие в одном из них".

"И что я должен сказать?"

Видя, как учитель смотрит на меня глазами, которые говорят: "для этого должна быть какая-то причина. Какая-то очень важная причина", – дрожь пробежала у меня по спине.

– Дело в том…

– Да, в чём же?

Я задумчиво закатил глаза. Причина для того, чтобы не посещать конкурсы, и что-то, что не заставит учителя разочароваться. Что это может быть?

Напряжённо размышляя, я вдруг вспомнил фразу, написанную рядом с объявлением о приёме, этот длинный номер рядом с оплатой посещаемости.

– Что… наш дом не очень хорошо устроен. Плата была слишком высокой, поэтому я не подавал заявки на конкурсы.

– … Для студентов, у которых не так много денег, мы предоставляем финансирование. Важно иметь сценический опыт, поэтому ты должен зарегистрироваться хотя бы на один конкурс.

… Почему эта школа так щедра в некоторых местах, несмотря на скупость на стипендии? Разве это не стоит около нескольких сотен тысяч вон? Для обычных студентов это было бы чем-то достойным радости, но для меня это была не более чем пустая трата времени.

В ответ на встречный удар учителя я быстро подумал немного, но не смог придумать ответ. Что же мне делать… я решил просто взять себя в руки и уйти с фронта.

С серьёзным выражением лица я ответил:

– Сэр. Я… должен получить стипендию, которая даётся только за первое место в каждом отделении. Что же касается конкурса, то я приму в нём участие, как только у меня появится свободное время.

– …

Осторожно подняв глаза и встретившись взглядом с учителем, я увидела его застывшее

лицо. Выражение его лица продолжало меняться по мере смены эмоций.

Глубокая мысль, беспомощность и сочувствие.

О чём бы он ни думал, молча посмотрев на меня некоторое время, он открыл рот и произнёс своим тяжёлым голосом:

– … Право. Если это твой выбор, то тут уж ничего не поделаешь.

Судя по тому, как он на этом остановился, казалось, что мы отошли от этой темы. Пока я вздыхал с облегчением, учитель открыл рот.

– А теперь давай начнём урок. То, что ты должен практиковать с этого момента, очень просто.

Сказав это, он коснулся своего собственного живота и глубоко вдохнул, когда толстый живот начал тяжело подниматься.

– Управление дыханием. Если у тебя даже нет этого основного материала, то ничего нельзя сделать. Говоря игровыми терминами, вы ничем не отличаетесь от персонажа с единицей маны.

– … Вы раньше играли в такие игры?

Учитель посмотрел на меня сверху вниз, но я отвёл глаза и встал как положено.

– Дыхание. Это основа пения и основа звука. Дыхание, заполняющее лёгкие, должно выходить через них и вибрировать голосовые связки, чтобы издавать звук. Это дыхание должно быть совершенным, чтобы свободно выражать любой звук, а также помогает в создании высокого тона. В конце концов, даже если ты не можешь достичь высокой ноты, ты можешь просто заставить большее количество воздуха подняться выше.

– Да.

Оглядевшись, учитель принёс длинный стол и продолжил своё объяснение.

– Ты, наверное, слышал какие-нибудь истории о дыхании оперных певцов. Ну, есть видео о том, как держать пианино, просто полагаясь на живот, но это слишком сложно, и я даже не ожидаю этого.

– …

Краем глаза я уставилась на чёрное фортепиано. Оно было вертикальным инструментом, поэтому должно было быть немного легче, но рояль, который легко перевалил по весу за полтонны. Пока я размышлял об этом, учитель Квак Чон Су лёг на стол. Его расслабленная фигура заставляла думать, что он был в своей спальне.

Что происходит?

Я уставился на выпирающий живот учителя, когда он вдруг повернул голову в мою сторону.

– Подойди.

– … Простите?

– Сядь мне на живот сверху.

– …

Не обращая внимания на мой недоумевающий взгляд, он постучал себя по животу. Массивное тело, лежащее на столе, выглядело несколько неустойчиво.

Разве этот стол не сломается?

---

1. https://www.youtube.com/watch?v=tkNlDGfvjZg

http://tl.rulate.ru/book/39225/991362